

В. Микушевич. *Мировые религии в истории человечества*

Мировая религия принципиально отличается от племенной или родовой своим отношением к личности и к смерти. Для племенных и родовых культов отдельная человеческая жизнь — лишь несущественная частность в чередовании рождений и смертей. Существенно, значительно и свято лишь кровное единство своих. Кто не принадлежит к этому единству, тот, собственно говоря, не является полноценным человеком. Отсюда, по меньшей мере, два следствия — рабство и война, тысячелетиями определяющие историю человечества. На того, кто не свой, не распространяется закон родовой религии, так что вполне естественно убить его или поработить. Еще одно следствие родовой религии — культ смерти, освобождающей место для новых поколений. Если бессмертие и признается, то оно тягостно и нежелательно, как у древних эллинов. Тени в Аиде теряют память, то есть последний намек на собственную личность. Вопреки распространенному предрассудку религия приводила эллина к подспудному мрачному отчаянию, столь характерному для родовых религий. Это отчаянье в сочетании с войной и рабством привело к падению таких великих древних цивилизаций, как египетская, ассирийско-вавилонская, эллинская. Оно же сокрушило великий Рим. Культ смерти, по всей вероятности, уже истребил бы человечество, если бы не мировые религии.

В основе каждой мировой религии лежит некое чаянье, изначально присущее человеку и никогда не забывавшееся. Христианство называет это чаянье естественным откровением. Суть его — уникальность и неповторимость человека, приводящие его к вечному спасению, к торжеству над смертью. Парадоксальным образом, человек является человеком именно потому, что личность его неповторима. Такие личности и составляют род человеческий. Неповторимостью человека упраздняется сама смерть, эта естественная бесчеловечная стандартизация. Неповторимость человека подтверждается правом, проекцией этой неповторимости в социальную сферу. С точки зрения мировой религии рабство и война бессмысленны, противоестественны и преступны именно потому, что они игнорируют и уничтожают неповторимое в человеке вместе с самим человеком.

Примером совершенной неповторимости является жизнь каждого из основоположников мировых религий — Будды, Христа, Магомета. Ни один из них не похож на другого, но именно это абсолютное несходство роднит и соединяет их. При этом всеми тремя мировыми религиями признается особая притягательность Христа, одержавшего реальную победу над смертью. Есть основания утверждать, что человек является человеком

лишь по отношению к Христу. Только в этой связи истолковывается стих Корана, утверждающий: тот, кто убивает человеческое существо, как бы убивает весь род человеческий (сура V, 32).

Мировые религии, религии жизни, сталкиваются с религиями смерти. История человечества в значительной степени обусловлена этим столкновением. Ситуация осложняется тем, что родовые религии продолжают действовать внутри мировых, извращая их жизнеутверждающую направленность, что приводит к религиозным преследованиям и мировым войнам. Таким рецидивом родовой религии является религиозный фундаментализм, взывающий к первоосновам, чтобы замалчивать Откровение и сеять смерть. Можно с уверенностью утверждать, что религиозные преследования всегда направлены против мировой религии, даже тогда, особенно тогда, когда они ведутся во имя нее. Крайней степенью фундаментализма становится в современном мире тоталитаризм, отрицающий право вместе с жизнью, так что смычка идеологического тоталитаризма с псевдорелигиозным фундаментализмом вполне естественна.

В. Мириманов. *Образ и миф (Генезис и метаморфозы Центрального образа картины мира в изобразительном искусстве)*

Искусство изначально отражает не мир, но картину мира, имеющую иерархическую структуру. Ее центральный образ воплощает фундаментальные представления данной эпохи и цивилизации. Трансформация картины мира отражается в превращениях центрального сюжета - от палеолитических образов женщины и животного до зооантропоморфных персонажей богов неолита и эпинеолита, от героической личности Возрождения и романтизма до “простого человека” и человека-монстра нового времени и современности. Анализ обширного материала показывает, что эти превращения, оцениваемые как рационализация картины мира, в действительности означают трансформацию мифологической структуры.

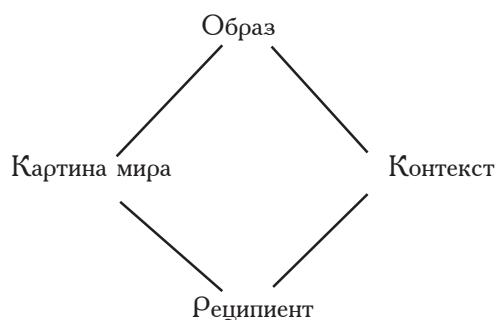
Художественный опыт как функция эстетической ситуации

Искусство изначально отображает не мир, но миф. От дописьменных цивилизаций и Древнего мира до Возрождения и современности оно генерирует меняющуюся картину мира — парадигму вечности, образы и символы “Истины=спасения”.

Первобытное искусство — прямое (вневербальное) воплощение мифа. Палеолитическое изображение

женщины, животного представляют собой единство сакрального и эстетического, мифа и ритуала (изображение — миф, его изготовление — ритуал). Они объективируют момент становящегося сознания, к которому в ретроспективе сходится вселенная культуры. При этом в самих изображениях непосредственно нельзя обнаружить их реальный, соответствующий данному контексту эстетический потенциал.

Отсюда уже следует, что художественный опыт, адекватное восприятие образа является функцией не произведения, но эстетической ситуации, которую можно изобразить в виде ромба:

(Эта схема в определенном аспекте коррелирует со “знаковой ситуацией” Фреге, изображаемой в виде треугольника: 1) денотат; 2) знак; 3) десигнат.)

Л. Муниз. *Роль юмора в образовании*

Цель этой работы — проанализировать юмор как процесс общения в образовании. Образовательный процесс — это постоянный диалог между учителем и студентом. Юмор должен быть включен в такой диалог, позволяя студентам получать удовольствие от обучения. Юмор обеспечивает установление подлинного диалога. Эта работа исследует: 1) как серьезность используют в учебном процессе и как юмором пренебрегают; 2) как при обучении серьезность снижает “трудоспособность” и чувств, и воображения; 3) отрицательные моменты включения юмора в процесс обучения; 4) важность включать в учебный текст юмор.

Автор предлагает примеры участия юмора во взаимодействии педагога и студента.

Л. Озеров. *“Слыхали ль вы?” (о голосе Пушкина)*

Вот о чем думаю я, на протяжении многих лет разглядывая рукописи Пушкина и его рисунки. В штрихе передана динамика мысли, ритм, настроение. Разгон руки — легкой, умелой, свободной. Завиток, волнистая линия, угол. В одном из пейзажей Пушкин передает порыв ветра — деревья, которые “буря долу гнула”. В другом случае — изображает скачущую

лошадь, графика, одни линии движения, почти схема полета лошади. Еще: нога, вдетая в стремя, всадника не видно, но чувствуется, что он, вспрыгнув, садится на коня, часть передает целое. Что отвлекало Пушкина от строки поэмы? Самая поэма или самое стихотворение — помарки, этажи, этажерки слоев и строк. Страница выглядит, как этюд или картина. Живая, говорящая страница.

То, что я скажу сейчас — догадка, повторяющаяся в разных вариантах на протяжении многих лет. Пусть лучше я окажусь плохим пророком, чем промолчу об этой догадке, о давно занимающей меня мысли.

Радиоволны были и в прошлом, в пору, когда само радио не было еще открыто. Когда радио стало общим достоянием, волны обнаружили себя.

Спрашивается: а не наступит ли время, когда по почерку человека, по следу его руки можно будет восстановить его голос? Не может быть, чтобы не существовало связи между линиями, оставляемыми рукой на бумаге, и голосом человека!.. А если это явление будет открыто, наши потомки всенепременно услышат живой голос Пушкина. В лирике, в поэмах, в письмах. Подумать только — в будущем мы сможем услышать живой голос Пушкина. Об этом сегодня можно и помечтать.

Т. Радионова. *Интонологический словарь*

Каждая научная дисциплина нуждается в своем понятийном аппарате и в объясняющем его словаре. Тем более это важно для такой новой, нетрадиционной дисциплины, как интонология.

Интонологический словарь — междисциплинарный словарь. Интонология — интегративная по своей сути наука, изучающая невербальные формы “свершения” мысли: ее рождения и протекания. Исследовательское пространство интонологии охватывает как изолированные области, так и широкий спектр дисциплин на стыке гуманитарного и естественно-научного знания.

Интонология должна интегрировать звучащие (голос, голоса инструментов) и пластические (мимика, жест, пантомимика) формы интонирования. “Интонационные универсалии” предстают не только в качестве объектов исследования, но и как инструменты анализа художественного произведения и художественной культуры эпохи. В свете этого интонологию следует рассматривать как общеэстетическую категорию. Понятие “интонация” (главный носитель семантики художественного смысла), традиционно связывавшееся только со звучанием музыки и разговорной речи, имеет всеобщее значение и является атрибутом мышления и непременным компонентом культуры. И потому изучение феномена вышло за рамки музыкальной теории и лингвистики в смежные с ними области: психологию, теорию других видов искусства, а также в теорию информации, когнитологию